

Сергей
Александрович
СПОЛОХ

В нынешнем году исполнилось 105 лет донскому комсомолу. За время существования этой части всероссийской, а затем всесоюзной общественной организации её школу прошли более полумиллиона жителей Ростовской области. О комсомоле сейчас говорят разное. Но при восприятии всех, порою полярных мнений и высказываний, нужно помнить, что комсомольцы, юноши и девушки, особенно в далёкие двадцатые годы прошлого века, отличались искренней верой в будущее, и все они считали, что оно обязательно будет светлым.

Комсомольцы вместе с коммунистами одними из первых записывались в созданные в те годы на Дону сельскохозяйственные коммуны и трудились в них в большинстве своём с максимальной отдачей и с неистребимой верой в коммунистическое будущее, считая его легко достижимым. Для многих из них вступление в партию и в комсомол и запись в коммуны было смертельно опасным делом. При бандитских нападениях партийных и комсомольских активистов убивали первыми. Но всё-таки коммуны выстояли, прошли нелёгкий путь развития в течение полутора десятка лет и в середине тридцатых годов были преобразованы в основном в колхозы.

Какой была жизнь в донской коммуне «Весёлый пахарь», рассказывается в одной из глав романа донского писателя Сергея Сполоха «На Северском Донце», первая часть которого номинирована в этом году на губернаторскую премию имени М. А. Шолохова в области литературы. Итак, перенесёмся на сто лет назад и узнаем, как жили комсомольцы того далёкого времени.

Комсомольское собрание в коммуне

Хмурый день конца октября 1924 года. Северский Донец после сброса воды через шлюзы обнажил свое дно чуть ли не до половины русла. Прибрежный лес уже почти сбросил своё ярко желтое одеяние, и только последние листики, подхватываемые течением реки, плывут вниз по течению. Густой смешанный лес у Донца кого только не прятал за последние годы. Весной девятнадцатого года в нём располагались красные части и готовились к форсированию водной преграды, да так и не сумев это сделать, откатились к Дону, а потом и до самого Курска.

Сразу после отступления белоказачьих войск на юг России в конце того же девятнадцатого года лесные просторы облюбовали бандиты всех мастей. Даже Махно сюда заглядывал, когда промчался вихревым рейдом по северу Донской области.

С тех пор в лес никто из местных жителей старается не ходить. Ни казаки хутора Швечикова, расположенного на правом высоком берегу Северского Донца, ни проживающие неподалёку в полуразрушенной усадьбе полковника Крошича обитатели коммуны с забавным до нелепицы названием «Весёлый пахарь». Казаки бывшего станичного юрта никак не могли смириться с тем, что самую трудную хлеборобскую работу кто-то собрался делать при полном веселье.

Были и другие причины для того, чтобы не только не любить коммуну, но и даже люто ненавидеть всё то, что связано с нею. Новоявленному коллективному хозяйству, на три четверти состоявшему из батраков в недавнем прошлом, было выделено земли в два раза больше в расчёте на одного едока, чем в соседних станицах и хуторах. Уже причина для недовольства! К тому же инвентарём это коллективное хозяйство обеспечивалось по большей части за счёт льготных кредитов и реквизированного по суду у местных богачей имущества. Так в каретном сарае помещицкой усадьбы появились плуги и бороны, сеялки, косилки, лобогрейки, сноповязалки и повозки.

Таким же образом были получены рабочие лошади и волы. На току

Землемеры
на полях.

на случай возможного нападения банд, и явные и скрытые враги об этом знают. Знают они также и о том, что в коммуне большая неуправка с обмолотом уже давно убранных хлебов.

На третий день работы аверьяновской молотилки в её барабан попал нераструшенный пшеничный

с открытым комсомольским собранием и концертом после него. Постановили делать всё в столовой, которая сразу после уборки посуды стала превращаться в клуб.

Коммунары давно уже приспособили старый разбитый рояль без ножек под одну опору помоста с левой стороны. Посередине расположили впритык к торцевой стене два высохших ствола и на них водрузили рядами лавки, на которых сидели во время приёма пищи. Доски лавок прогибались, но зато сцена хоть и хлипкая, но получилась.

Над нею прикреплен лозунг, написанный белилами на красном кумаче. Даже в полутьме столовой он смотрелся ярко и празднично: «Жить в коммуне хорошо!». Особенно впечатлял утолщённый восклицательный знак. Секретарь комсомольской ячейки Иван Уроченцев всё боялся, как бы какой-нибудь затейник не добавил ещё один знак — вопросительный. И он, кстати, по той жизни коммуны, которая в ней складывалась, очень напрашивался. Комсомольский секретарь об этом знал, но виду не подавал, особенно перед прибывшим по его приглашению секретарём волостного партийного комитета Алексеем Семёновичем Сетраковым. Он руководитель опытный, ещё с дореволюционным партийным стажем. Сетраков одет в чёрную кожаную куртку, из карманов которой выглядывают машинописные листки с текстом, отпечатанным с двух сторон для экономии бумаги. Портфель он с собой принципиально не носит, поскольку знает, как не любят портфельщиков на хуторах. Казаки-то как считали: коль такой атрибут власти есть при начальнике, значит, там обязательно будут документы совсем не облегчающие и без того их трудную хлеборобскую жизнь.

Президиум из трёх человек, секретаря ячейки РКСМ, главного партийца волости и председателя совета коммуны, занял свои места за столом на сцене. На груди у каждого — по красному банту из кумача. Такие же банты для придания особой праздничности событию — у каждого из присутствующих на собрании коммунаров.

Юные косари.

возвышалась паровая молотилка, отобранная за нескрываемые эксплуататорские тенденции у зажиточного казака хутора Степного Ильи Аверьянова. Когда коммунары начинали работать на полях у забочки бывшего хуторского юрта, то слышали злобные громкие выкрики: «Голодрябы! Боссяки чёртовы! Голопузы безнужные! Как раньше вы были чужими работниками, так и сдохните ими! Всё растащите, сничтожите и распродадите и к нам же и вернётесь!».

Приходилось терпеть. Не стрелять же по крикунам! В коммуне есть оружие, выданное военкоматом

сноп с железным прутком внутри. Грохот и звон на всю округу означал одно — молотба закончилась! Зато началось следствие, и помощника зубаря, стоявшего на подаче снопов, увезли в Луганск, и пока о нём ни слуху, ни духу. А время-то идёт. Зерно осыпается. Снопы мокреют. Зарядят дожди — и вовсе без зерна можно остаться. Молотят пока вручную, но это надолго, да и к тому же погода через день дождливая. Какой там обмолот?

Потому и решили 29 октября устроить в честь шестилетия комсомола торжество. Настоящее! Даже с усиленным варёными яйцами завтраком,

Первым слово взял секретарь комсомольской ячейки:

- Уважаемые коммунары! На наше торжественное собрание по случаю шестой годовщины Российского ленинского коммунистического Союза молодёжи прибыло 18 членов Союза и пятеро кандидатов. Собрание объявлено открытым, и здесь находятся все коммунары, не занятые на работах. На нашем собрании присутствуют секретарь волостного комитета Российской коммунистической партии большевиков Алексей Семёнович Сетраков и наш партийный и хозяйственный предводитель, секретарь партячейки и председатель совета коммуны «Весёлый пахарь» Фёдор Иванович Ретивов.

По отмашке руки комсомольского секретаря струнный оркестр коммуны, состоявший из скрипки, трёх балалаек и барабана, с особой старательностью исполнил партийный гимн — «Интернационал». Прозвучавшая музыка очень отдалённо его напоминала, но всё равно воодушевила всех участников собрания, и потому раздались громкие аплодисменты, не только для приветствия, но и чтобы погреться, помещение-то не отапливалось.

Как только утих струнный оркестр, слово взял волостной представитель Алексей Семёнович Сетраков.

Он встал, расправил отвороты кожаной куртки и неторопливо начал свою речь:

- Поздравляю всех собравшихся с шестой годовщиной Российского ленинского коммунистического союза молодёжи!

Собравшиеся покрыли эти слова уже по-настоящему бурными аплодисментами. Тут всем стало ещё теплее. Уважаемый всеми коммунарами партиец, повернувшись и протянув правую руку в сторону лозунга на стене, продолжил:

- Замечательные слова вы поместили на этом транспаранте: «Жить в коммуне хорошо!». Ну как с этим не согласиться! Ваша коммуна это — островок будущей всеобщей мировой солидарности и выстрадавшего всеми трудящимися общественного строя, который называется коммунизмом. Коммуна и коммунизм — слова от одного корня. От вас пойдёт распространение полного равенства и самого ближайшего братства между людьми. Вы первыми показываете пример полного отказа от частной собственности в любом её виде.

Сетраков достал из левого кармана куртки листок с заготовленным заранее текстом выступления и продолжил:

- Напоминаю вам положения принятого вами же устава коммуны: «Всё принадлежит всем, и никто в коммуне не может ничего назвать своим, за исключением предметов личного потребления. Каждый в коммуне трудится по своим силам и получает по своим нуждам в зависимости от состояния хозяйства».

Выступающий сделал паузу, и всем стало ясно, что далее он перейдёт к недостаткам:

- А вот состояние хозяйства у вас сейчас, товарищи коммунары, совсем неважное. И вы об этом хорошо знаете и на себе чувствуете. Но я думаю, что вы справитесь с трудностями. И мы вам в этом поможем! Волевым решением, идя навстречу вашим нуждам и чаяниям, признал погашенными

выданные коммуне ранее семенные и продовольственные ссуды. Все до одной! Всё теперь пойдёт только в общий коммунарский кошт. Никому и ничего отдавать не надо! Только работайте, уважаемые коммунисты, комсомольцы и беспартийные. Каждый коммунар должен ответить на заботу советской власти ударным трудом! С праздником вас и новых вам успехов!

Тут уже поднялись со своих мест и захлопали все до одного. Особенно усердствовал председатель коммуны Фёдор Ретивов. Его могучая фигура почти трёххаршинного роста, обтянутая курткой из шинельного сукна, возвышалась за столом президиума на сцене, как большая глыба. Но он-то знал, что его давно так и называли: «Глыба из войска Жлобы». Он действительно провёл почти всю Гражданскую под началом легендарного красного командира. При широкой кости и малейшей прикормке быстро набирал прежний вес, а командирский голос никогда не терял и пользовался им в общении с нерадивыми коммунарами очень виртуозно. Писарь коммуны даже завёл маленький блокнотик, куда

Струнный оркестр.

записывал все смачные председательские выражения. Но на собраниях он старался их избегать и начал свою речь очень проникновенно:

- Дорогие коммунары! Горячо любимая мною комса! Вот так праздник у нас сегодня выдался! И годовщина комсомола, и подарок к этой дате нам с вами от нашей местной советской власти! Я бы сейчас всех вас позвал трудиться, да погода не позволяет! Одним словом, ответим на такую заботу ударным трудом! Обязательно! Верно я говорю?

Все коммунары одобрительно загудели и, хорошо понимая, какую добрую весть объявил волостной представитель, опять захлопали с удвоенным усердием. Председатель при такой общей поддержке уверенно продолжил:

- Мы с вами самые что ни на есть строители коммунизма, да ещё и первопроходцы в этом деле. Мы строим коммунизм в масштабе всего одной старой панской усадьбы, и он должен быть таким, чтобы все за нами потянулись. Чтобы увидев, как мы работаем и как добывается всеобщее изобилие в дружном коллективном труде, все хлеборобы организовали свою жизнь так, как мы с вами. Правильно товарищ Ленин говорил, что из существующей землеробской нужды можно выбрать, только опираясь на коллективы. То

есть, на нас с вами! Мы обязательно воплотим в жизнь коммунистический принцип: «От каждого по способностям, каждому по его нуждам».

При этих словах очень оживились сидевшие на отдельной скамейке недавно принятые кандидаты в члены коммуны и среди них — уроженец хутора Швечикова Женька Родимушкин. Он даже глаза мечтательно прикрыл. Ему-то сразу представилось, как по собственным нуждам все жизненные блага можно будет получать в коммуне, в которую он только что записался. Если по главному нынче, по еде, то это так, подумал Женька, чтобы вместо столовской плошки настоящий горшок и на завтрак в него каши с маслом топлёным доверху, а в обед — шулом в него же понаваристой, ну а вечером — картошки-«мятки» вдолво и чаю с мёдом хотя бы при трёх ломтях белого хлеба. Вот это по нуждам!

По одежде так этих самых нужд тоже не оберёшь! Полушубок нужен от хорошего скорняка, с таким запахом овчины, чтобы в любом носу насморк прошибал. Сапоги от швечиковского

Это он на премию в три червонца на ярмарке в бывшей окружной станице Каменской купил. У него у единственного в ячейке на груди настоящий комсомольский эмалевый значок с буквами РКСМ. Его он получил не так давно за то, что умело отстреливался при нападении бандитов на коммуну.

После ещё трёх выступлений комсомольских активистов собрание быстро закрыли и стол президиума убрали. Все ждали концерт. Это же интереснее, чем речи и призывы, их и так коммунары слышали каждый день. Раньше вообще каждое утро в их хозяйстве с митинга начиналось. Занавеса не было, и участники концерта выходили на сцену прямо из зала.

Первым на неё поднялся коммунарский стихарь Карп Харахоркин. Хотя он и скрывал, но все давно узнали его газетный псевдоним «Серп». Когда статейки с такой подписью появлялись в окружной газете, то не до шуток было зажиточным хуторянам. Особенно когда он сообщал о скрытых от налогообложения кулацких посевах и невыполненных заданиях по хлебозаготовкам. Тут же они вспоминали известную поговорку, связанную с серпом, и не раз грозились отомстить писাকে.

Устремив свой взгляд куда-то вдаль, наверное, в коммунистическое будущее, Карп бодро стал декламировать:

Ты бедняк и я бедняк,
Раньше жили мы не так.
Жизнь в коммуну привела,
Цель нам ясную дала.
Не жалею своих ты рук!
Ты мой друг и я твой друг!
Коммунизм мы строим вместе,
Не стоим ни дня на месте.
Не свернуть с пути всех нас —
Вот всем старшим мой наказ:
Стройте жизнь по Ильичу,
Жить по-ленински хочут!

Стихара на сцене сменил струнный оркестр. После трёх номеров, не вызвавших у коммунаров особого энтузиазма, оркестр тихо, не претендуя на аплодисменты, удалился. Баянист и два частушечника напомнили собравшимся об их нехватках и недостатках. Посмеялись, но особо не хлопали. Кому приятно услышать критику в свой адрес?

Фокусы у демобилизованного красноармейца не получились, но его дружно поддержали, ведь не последний же концерт! Ещё научится!

На поля у Северского Донца продолжал сплошным потоком лить дождь. В его пелене почти скрылась старая помещичья усадьба — пристанище молодых коммунаров. Им работать в тот день было нельзя, а веселиться можно. Не зря же коммуна называлась «Весёлый пахарь»!

Сергей Сполох,
член Союза писателей России
Примечание:
все иллюстрации,
использованные в настоящей
статье, взяты из архива автора
и общедоступных источников.

